

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ВТОРАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

В. АЛЕКСЕЕВ

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

1

Делая обзорные жизни современного Китая, естественнее всего начать с прессы и, прежде всего, прессы газетной. Правда, материал для суждения об этом достаточно важном мировом явлении у петербургского ученого крайне скуден, и ему в данном случае приходится ограничиться случайно дошедшими до него в октябре 1922 г. разрозненными номерами партийной прессы. Однако, то, что можно видеть и сообщить читателю, даже на этом убогом материале достаточно разнообразно, в особенности, если исключить политику и ограничиться общекультурными факторами жизни современного нам Китая.

Не может не броситься в глаза совершенно, впрочем, естественное для китайской прессы, исходящей в своем современном типе исключительно из европейского образца, ее подражание европейской прессе, зачастую карикатурное. Самые титулы газет даются с подзаголовком на английском языке, — объединительно-культурном языке Дальнего Востока. Так, читаем в сплошной пероглифической газете титул (в пероглифах) «*Ши ши синь бао*», и тут же: «*The China Times*»; «*Цюнь бао*», и рядом: «*The Social*», — при чем английский титул не есть перевод китайского, а его англицизация. Иногда же дается только транскрипция («романизация») китайского пероглифа, при чем далеко не всегда безгрешная (например, вместо «*Ching Pao*» — «*Ching Poa*»).

В вычурных объявлениях и порой в скромном тексте появляются европейские знаки препинания, особенно знаки восклицательный и вопросительный, как в ординарном, так и в повторном видах.

Иногда промелькнут среди пероглифических собственных имен авторов инициалы китайца, передающие латинскими буквами транскрипцию его имени или, вернее, его прозвания.

Все это — карикатурная иностранщина, нездоровый элемент подражания.

Неужели иностранцу достаточно одного лишь титула газеты, притом призрачного, несоответствующего действительному смыслу китайских пероглифов? Чему помогают случайные (я не говорю, конечно, о систематических) знаки препинания, особенно, когда они — а это сплошь и рядом — поставлены возле или после слов, которые сами по себе не что иное, как пероглифический знак препинания (ц, эр, цзай и т. п.)? Что говорят глазу и знанию «инициалы» типа, скажем, С. Р., когда под каждой из этих букв скрывается с десяток буквокомплексов (*Chang, Ch'ang, Chan, Ch'an, Chin, Ch'in* и т. д.), а под каждым из графических комплексов сотни пероглифов?

Однако, трудно осуждать это явление моды, охватывающее, впрочем, не одни только специальные газеты разных партий, а и столь серьезные, хотя и не национальные органы, как японская *Шунь тьянь шибэо*. Оно попадает в поле зрения европейца иначе, нежели в поле зрения китайца.

Элемент более здоровый и значительный, дающий простор суждению, а не только одному впечатлению, заключается, конечно, в самом содержании статей и, особенно, объявлений, ибо последние, как эпизодическое явление, легче проводят причуды моды и быстро наплывающие течения, нежели очередной текст газетных страниц.

В этом отношении поражает огромное количество объявлений об учебниках английского языка для китайцев. Эти учебники быстро выработали отличную технику переводов с одного языка на другой, и появившийся в 1920 году китайско-английский словарь Чжан Пынъюня («O. P. Tsang») тому наилучший пример. В этом словаре впервые английские значения китайских слов даны не в логической постепенности, а в грамматических функциях, которые, как известно, для китайского иероглифа призрачны, и существуют только для переводчика на флективный язык. Ясно, что техника переводов с китайского языка от такого явления сильно выиграет. Для русских же переводов с китайского пока лишь одни трудности, в результате которых скудное количество переводов с китайского, и наплыв переводов на китайский «с русского» в английском переводе, или же попросту безграмотной макулатуры.

Вслед за учебниками английского языка и переводами английских авторов (среди которых мелькают французские, реже немецкие, и еще реже русские¹⁾ идут в объявлениях новые учебники новых для Китая европейских знаний, все скомпилированные или просто переведенные с европейских языков или с японского. В том числе встречается каталог чуть не сотни изданий по специальной военной литературе, — явление, в одно и то же время понятное и любопытное для современного Китая, переживающего нечто в роде феодальных междоусобиц, которые, однако, основывают свой успех на последнем слове европейской техники военного дела. Любопытно, что в каталоге этой военной литературы помещен учебник... шахматной игры и даже набор шахмат, — игры, которая в Китае гораздо более распространена, нежели у нас, и в своей сложной форме «облавных шахмат» (вэй цзи) еще более напоминающих организованное сражение, нежели игра «слонов» (сян цзи), близко напоминающая тип игры, распространенной у нас.

Новыми для глаза, давно не издававшего китайской газеты, являются объявления женщин-врачей и акушерских курсов, свидетельствующие о серьезной брешь в жизни китайской женщины, выходящей из традиционного патриархального уклада на простор широкой и ответственной общественности.

Наконец, приводимое в прессе и подробно излагаемое содержание социалистических журналов, в роде «Сегодня» (Цзинь жи), развивает перед нами картину языка, стремящегося к совершенно интернациональному укладу иероглифической речи, и этому языку, несомненно, принадлежит будущее, основанное на смерти традиционного старого языка (т. пазьв., вэнь ли).

Среди самих статей, отражающих прямое иностранное влияние, трудно отметить что-либо наиболее яркое, если не считать мелькающих от времени до времени целых полос популярных статей по элементарной гигиене, прививающихся в большой китайской прессе и исчезающих уже из прессы Европы.

¹⁾ В разрозненных номерах газет, ко мне попавших, мне повстречался только перевод «Живого труп» Л. Толстого (Хо шп).

II

Ближайшим порождением иностранного влияния в Китае является, так называемый, новый «государственный язык» (го юй), он же «белый» язык (бай хуа), то есть язык, лишенный литературной ритмики старого (вэнь ли), которая сковывала свободу выражения новых идей и мешала проникновенно точных неологизмов, взятых часто из японского языка, который, как известно, с китайскою стилистикой не считается.

Судя по объявлениям, существуют целые газеты на этом «белом» языке (напр., «Бай хуа мшъ бао») и даже большие журналы (напр., «Гоюй юэ кань»), что, впрочем, не новость, ибо, если принять, что этот «новый» язык есть лишь применение так называемого «мандаринского» языка к нетерпеливой газетной речи, то тип «мандаринских» газет насчитывает уже четверть века своего существования.

Читаю целый ряд каталогов изданий на этом «белом» языке, самым крупным из которых, несомненно, является «Очерк китайской философии» профессора Пекинского Университета Ху Ши, вышедший в 1919 г. вторым изданием, имеющий несомненный и вполне заслуженный успех. Ему я посвящу отдельную заметку в конце статьи, а пока отмечу большое количество таких изданий по всем отраслям знаний о Китае: истории, литературе, географии, философии и т. д. Дело дошло до «переводов» на «белый» язык... древних стихотворений, что еще более курьезно, нежели давно уже известные «переводы» на этот язык китайских классиков.

Новостью для составляющего эти заметки являются объявления о детских журналах, написанные «детским» разговорным языком, точь в точь так, как это делается в Европе и, вероятно, с теми же результатами, держащими ребенка в сочиненном для него литературно-макулатурном парнике дольше, чем это терпимо, — не говорю уже: нужно.

«Белый» язык, отстраняющий старый, традиционный «вэнь ли» от изящной литературы и, особенно, от стихотворений, мелькает тут и там в прессе в виде «новых стихов-песен» (Синь ши ши гэ), при чем порой на темы заграничной жизни китайских эмигрантов, особенно в Америке.

Однако, и как крик моды, «белый язык» даже на страницах партийной прессы, вряд ли считающейся с реакционными течениями — явление очень редкое.

Не говоря уже о том, что серьезные газеты, в роде «Шэнь бао» (изд. в Шанхае) его вовсе не допускают (насколько можно, повторяю, судить по дошедшим экземплярам газеты) на свои страницы, даже передовицы новейших газет, обращающиеся к общественному мнению (пин лунь), пишутся языком, близким скорее к старому «вэнь ли», чем к новому «белому».

Тем более странно, и даже вовсе необъяснимо, что этим языком не ищутся объявления, старающиеся разъяснить читателю превосходство тех или иных товаров, особенно лекарств. Наоборот, объявления пишутся языком, наиболее трудным для иностранца, т. е. тем типично китайским укладом речи, при котором иероглифическая оболочка скрывает в себе особую ритмику и всякую другую литературную технику, с которою иностранцу китаисту приходится при одолении ее вести борьбу всю свою жизнь.

Остается еще упомянуть про новый алфавит, пропаганда которого начиная с 1915 года велась весьма энергично. В десятках номеров, просмотренных мною газет, этот алфавит встретился мне всего раз — в пропаганде самого алфавита. Он был неуклюже вырезан на дереве, как иллюстрация к объявлению, и, совершенно очевидно, набора касс не имеет.

Таким образом, и это наиболее сильное из всех идейных начинаний лиц, стоящих во главе китайского просвещения, газетой, т. е. жизнью и действительностью, пока не воспринято. Иероглифика торжествует, как многотысячелетняя традиция, и — с моей точки зрения — как высшая форма человеческой письменности вообще ¹⁾.

III

Мы видим теперь, что старейший Китай все еще живет в газете своей прежней жизнью, даже в мелочах.

Обратимся к этому страшному, казалось бы, явлению и рассмотрим его по существу, то-есть определим, насколько устоя формы соответствуют устоям содержания в более серьезном тексте, чем объявления, где, как мы видим, самый модный товар (папирсы, мыло, флаконы 606 и 914) расхваливается старокитайскими литературными приемами ²⁾.

Попреемму «мелкие рассказы» (сяо шо), или, попросту, газетная литературная мелочь пишется старым языком, пересыпаясь от времени до времени стихотворениями в 7 и 5 слов, т. е. написанными традиционным размером и, кроме того, насыщенными «литературностью» старого Китая до изобилия. Особенно торжествует так называемый «параллельный стиль» (пянь ти), давным давно (еще в VII в. по Р. Хр.) осужденный прогрессистами, и мы встречаем, например, колонну за колонной занятых «Сборником параллельных эпиграмм» (ши лян дун хун), в котором к заданной теме, при посредстве несложной фабулы, подводятся остроумные ответы: слово на слово, образ на образ, намек на намек. Здесь старейший Китай торжествует вопреки всякому чувству меры, и новаторам не удалось содействовать развитию этого чувства, совершенно необходимого для сближения с Европой. Как и следовало ожидать, это сближение начинается прежде всего в деловой области, оставляя питимную жизнь или литературные вкусы общества нетронутыми.

Очень странно также встретить на страницах газет отголоски старого патриархального Китая, в виде, например, статьи «О семейном воспитании» (Пятин дзяюй), написанной в 1922 году тем же языком, что и в 922-ом, а то и еще раньше. И колонны, занятые подобным сюжетом, далеко не жидки.

Точно так же, очень обильные книжные объявления сообщают о продаже «сунских и юфьских» (X — XIV в. в.) старых изданий. Значит, кто-то этим интересуется.

Выходят новые и новые издания библиотек-серий (душшу), достигающие иногда чудовищных размеров (сотни томов), перепечатающих старые рукописи и старые, недоступные издания с хорошою критикою текста, сделанною эрудитами старого типа. Таковы, например, ценнейшие издания серий: Ши ли дзюй и Бай цзи лоу, принадлежащие знаменитым библиофилам и библиографам начала и конца XIX века Хуан Пиле и Чжу Цзигуну, о работе которых корифеи синологии высказываются с величайшей похвалой, как о научной, дающей востоковеду достойный материал.

¹⁾ Это чисто научное мое положение, отнюдь не мешающее искреннему признанию общего смысла демократической китайской нынешней реформы.

²⁾ Я не говорю уже о банковских и прочих деловых объявлениях, ни на иоту не сошедших со своего точного языка, которому даже европейский деловой язык не мог дать существенных указаний.

Среди объявлений вижу подписку на новые издания крупнейших поэтов и писателей, в роде Ду Фу (712 — 770 по Р. Хр.) и Су Ши (он же Су Душо; 1036 — 1101), читать которых Китаец нового типа и образования может лишь с трудом, и далеко не всякий, не говоря уже о том, что для этого чтения был и в старом Китае пригоден далеко не всякий человеческий экземпляр, а только наиболее тонкие эрудиты. О тех, кто зубрил эти стихи в хрестоматиях типа наших Галаховых и Ушинских, конечно, говорить не приходится: этот наиболее многочисленный читатель прежнего времени теперь, очевидно, совершенно исчез.

Встречается проспект нового издания знаменитого мыслителя начала XVI века, Ван Шожэня (Янми Юйчань), переведенного... с японского, ибо в Японии этот мыслитель, как пророк, нашел себе более благодарное отечество.

Выходят большие энциклопедии несколько нового типа по форме, но прежние по содержанию, занятому старой философской литературой в извлечениях, систематизированных не только на предмет чтения, но и пользования.

Попадают объявления, которые можно сначала принять за объявления врачей, но, как оказывается из дальнейшего, это рекомендация страждущему человечеству старинного лечебника, давно забытого и усердно расхваливаемого издателем за его вновь на практике обнаруженные достоинства, вполне заменяющие консультацию врачей, в том числе и новых, получивших специальное образование в Европе и Америке.

Натыкаемся на еще более заметные устои старого Китая, в виде, например, объявления о торжественной постановке таблицы с именем умершего достойного человека в особо выстроенном для него храме. Здесь начало религиозного факта, ибо с этих пор умерший человек превращается в светлого духа (шэнь), которому остается лишь проявить себя чудодейственной силой, чтобы поклонение ему стало популярным в народе.

Любопытно также читать объявление, восхваляющее «достойную человека душу» какого то Цао (Сун ян жэнь фыи), облагодетельствовавшего народ, и, может быть, принявшего меры к увековечению этого своего подвига в газетах.

Как известно, Китай — одна из редких стран, издавна, по завету Конфуция, награждающая доблесть честного человека не менее, нежели карающая порок, и отнюдь не рассматривающая достойную жизнь — явлением для всех обязательным и, так сказать, нормальным. Поэтому, отголосок старого Китая, видный в этом объявлении, свидетельствует о жизни в нем патриархальной, старой этики и заветов Конфуция.

Патриархальный быт сказывается еще, например, в объявлении, приглашающем всех, у кого есть документальные данные для родословной фамилии И, сообщить их по прилагаемому адресу. Эта частная фамилия, повидимому, без государственных заслуг, продолжает питать вкус к родовому быту.

Отходя от вещей деловых по существу, приближаемся к старому оккультному Китаю и читаем в многочисленных объявлениях, рассеянных даже в социалистической прессе, о «богообразных гадателях», хиромантах, физиогномах и т. д., могущих определить судьбу человека и, пожалуй, повлиять на нее. Старый Китай, часто смешивавший (особенно в обывательском уме) оккультизм с наукой, здесь во всей своей ничем не прикрытой полноте.

Вероятно, этого небольшого сопоставления нового Китая со старым достаточно, чтобы убедиться, что Китай еще только начинает эру своего

перелома. Доза европеизма, данная ему современностью в лице энергичных новаторов, сокрушает пока лишь его внешние устои, не трогая тех сторон, в которых китаец желает найти чтение легкое и удобное, до последней точки понятное.

IV

Чтобы покончить с прессой, следует отметить еще некоторые пункты ее содержания. Политических статей я попрежнему избегаю, ибо, будучи не в курсе дел китайской действительности, не умею ценить известия по их существу, а не по навязанному образцу. Впрочем, из передовиц легко уловить общий тон крайнего недовольства *дуцзюнь*'ями, т. е. сверх-генералами, распоряжающимися судьбами Китая и диктующими свою волю президенту, который, один, должен слушать и слушаться нескольких.

Прежде всего, обращают на себя внимание статьи, рисующие общественное движение современного Китая. Так, следует отметить статьи, вызванные международной войной и русскими событиями, в роде следующих: «Большое движение против войны», «Пропаганда общества помощи русским голодающим»¹⁾ и др.

Ряд статей рассматриваемой социалистической прессы направлен против религии, вообще, и христианства, в частности; задевается впрочем, и культовое конфуцианство. Другие статьи обрушиваются от имени «Союза противоборства христианству» на известную своею деятельностью в Китае американскую УМСА (Young Men Christian Association, по-китайски Цин нянь хой), и в ответ получает на тех же страницах отчеты о съездах этой Ассоциации, имеющих, повидимому, весьма внушительные размеры и значение.

Женскому вопросу посвящается очень много статей, особенно в специальных феминистских органах, трактующих вопрос об эмансипации во всех деталях, начиная с разбивания ног и кончая равноправием.

Интересны длинная прокламация «Ханькоуского общества борьбы с папиросами», в которые злоумышленники-торговцы кладут опиум, и небольшая статейка «Общества жалеющего пероглифы», т. е. протестующего против недостойного использования бумаги, на которой изображены китайские пероглифы: пиетет к ним, творениям «священномудрых людей древности», не позволяет обществу сносить поругание исписанной или печатной бумаги, хотя бы даже газетной.

В книжных объявлениях, наконец, нахожу сообщение об издании большой книги, разоблачающей ворожей и колдуний всех специальностей, и, очевидно, полезной, в качестве пропаганды против суеверий, с которыми борется китайская интеллигенция как правящая, так и общественная, исходя в настоящее время из христианской пропаганды не менее, нежели из общеконфуцианской традиции, не признающей сверхъестественного в какой бы то ни было форме, в том числе и той христианской, с которою вымирающее конфуцианство примирилось, или кажется примирившимся.

Жизнь искусства в китайской газете наших дней сосредоточивается попрежнему на театре, объявления о котором занимают на страницах китайской газеты, по крайней мере, в три раза больше места, чем на страницах европейских газет. Оно и понятно: нет в мире страны, более неравнодушной к театру, чем Китай, где трудно себе представить какого-либо жителя или

¹⁾ Статьи этого типа сопровождаются иллюстрациями русских голодающих местностей, на которых, впрочем, ничего разглядеть невозможно.

жильницу, никогда не бывавших в театре. Пробегаю объявления, замечаешь, что и название пьес, и театральные термины остались старые, и, только получив сведения, дополнительные и вещественные ¹⁾, видишь, что и в театре пробита брешь, более существенная, нежели та, которую проделал всемогущий и вездесущий кинематограф.

Впрочем, нововведения заметны в газете и помимо кинематографа. Так, читаю отчет о представлении на китайской сцене «Венецианского Купца», исполненном учениками театрального училища. Эта брешь в китайском традиционном театре — брешь существенная, и из нее могут произойти, и, кажется, уже происходят, серьезные и интересные последствия.

Однако, маятник китайской жизни, отведенный событиями современности в сторону Европы, опять сильно откачивается в сторону исконной китайской традиции. Читаю статьи о театре, нечто в роде поэтических рецензий (шюй шо, пзи тань и т. д.), и вижу перед собой написанные со всеми тончайшими литературскими ухищрениями старого Китая стихотворные произведения, типичные для старинного стиля и потому с трудом раскиривываемые европейцем, которому они вряд ли, к тому же, доставляют удовольствие.

Выходят журналы, посвященные искусству вообще, и театру в частности. Из объявления о них узнаю, что дело изучения китайского театра китайцами же, — вероятно, на новых линиях общеевропейского уклона, — движется вперед.

Наконец, встречаются отголоски и иного искусства. Так, имеется сообщение об открытии китайско-японской выставки живописи, в которой говорится также и о европейских течениях в современном искусстве Китая и Японии, хотя, к сожалению, глуховато.

Открыта в Шанхае школа искусств с большими программами, но тем не менее, старая школа китайских художников древней традиции славных периодов искусства попрежнему находит покупателей, хотя то обстоятельство, что для этого потребовалось объявление, указывает скорее всего на развите подделок, ибо за всем настоящим и ценным в Китае зорко следят агенты европейских и японских коллекционеров, покупающих все, что только становится в возможность быть так или иначе отчужденным.

V

Переходя теперь от газетной прессы 1922 года к более устойчивым показателям культурной жизни Китая, хотя и не относящимся к столь близкой дате, и так же точно несовершенным, в смысле крайней случайности и эпизодичности, я останавливаюсь, прежде всего, на «Очерке древней китайской философии», написанном профессором философии в Пекинском университете Ху Ши и начинающем собой, как о том свидетельствует обложка, серию изданий этого университета.

Автор этой весьма примечательной книжки, дошедшей до меня, к сожалению, лишь в одной своей первой (из предложенных трех) части, американизованный китаец, соединяющий в себе познания в избранной им области, которые были им получены в его семье, славящейся учеными типа «ханьских», т. е. придерживающихся самого текста, классиков, как

¹⁾ Под вещественным я разумею сборники новых пьес, о которых я буду говорить особо.

было во II в. до Р. Хр. — III в. по Р. Хр., а не «духа», отличавшего позднейшие эпохи, — с методологией и философской пропедевтикой, полученной им в американских университетах. Он является главным реформатором в области китайского литературного языка, стремящимся заменить старокитайский уклад литературной речи новым, «белым» языком, основанным на разговорных формах. Не вдаваясь пока в подробную оценку книги ни с этой стороны, т. е. формы, ни со стороны содержания, я укажу на то, что, поскольку опыт проникновения «белого» языка в изящную литературу мне кажется, пока что, неудачным, постольку же проникновение этого уклада речи в научные книги можно только приветствовать. Действительно, освобождая речь от традиционных оков, «белый» язык дает ей возможность свободно выражать научную мысль всех оттенков, ибо она становится из неслышимой слышимой, и, следовательно, достигающей европейских форм научной речи, с которой она, между прочим, сливается чаще всего в такую близость, что, подписав под иероглифами их, скажем, английские или русские эквиваленты, получаем английскую или русскую международно-научную речь. Нет сомнения, что автор, пишущий китайскими иероглифами, чаще всего думает по-английски, но, тем не менее, ему надо поставить в большую заслугу, что он принял все меры к тому, чтобы быть понятым своими соотечественниками. Таким образом, эту книгу приятно читать и европейцу, которому она представляется иероглификацией нормальной европейской речи, и китайцу, которому она, благодаря целому ряду приемов, также понятна и интересна ¹⁾.

Книга начинается обширным вступлением, настраивающим китайского читателя на научный лад европейского систематического изложения. Дается определение философии, как науки, с ее разветвлениями и подотделами. Затем, речь идет об истории этой науки; о тройке ее заданий; о положении китайской философии среди философий всего мира; о делении ее на периоды, с характеристиками каждого из них; об историческом ее материале; о научном исследовании последнего и о критике текста и др. В конце главы выясняется, что автор пользовался английскими переводами *Виндельбанда*, *Данглы* и *Сенебоса* и... статьей «Textual Criticism» в *Encyclopaedia Britannica*.

Глава вторая посвящена эпохе зарождения китайской философии; третья — Лао-цзы, четвертая — Кун-цзы (Конфуций), пятая — ученикам Конфуция, шестая — Мо-цзы, седьмая — Ян Чжу, восьмая — фальсификаторам Мо-цзы и его традиции, девятая — Чжуан-цзы, десятая — конфуцианским трактатам, предшествовавшим Сюнь-цзы; одиннадцатая — самому Сюнь-цзы, двенадцатая — заключительным резюме.

Не вдаваясь, повторяю, в подробности, требующие особой статьи, отмечу, что труд Ху Ши ближе к типу научно-популярных книг, чем к типу научных исследований, хотя многое в этой книге оригинально и кажется новым. Насколько это действительно ново, можно выяснить при помощи сравнения с японскими предшественниками Ху Ши по систематизации материала, но его замалчивание европейских предшественников (Legge, Watters, Chavannes) рекомендует его с плохой стороны.

¹⁾ К числу таких приемов относится сильно развитая пунктуация, основанная на европейской, но идущая значительно далее; а именно, она отличает обозначение собственных имен людей, местностей, династий и учевой номенклатуры от названия сочинений. С помощью этой пунктуации и без того легкая, отчетливая речь становится абсолютно точной, не допускающей кривотолков.

Как бы то ни было, книга эта, будучи переведена на русский язык и снабжена достойными сюжета примечаниями, могла бы служить прекрасным пособием для изучающих китайскую философию, сильно нуждающихся сейчас в подобном руководстве.

VI

Среди других новых явлений в китайской литературе наших дней следует отметить сборник современных пьес, из репертуара драматического студенческого кружка при Пекинском университете. Автор этих пьес, некто Чэнь Дабаэй, о котором мне, к сожалению, ничего не известно.

Пьесы эти построены вполне на европейский лад. Действующие лица перечислены в начале пьесы так, что сначала кажется, не перевод ли это с европейского языка. Та же система драматического изложения, с примечаниями в скобках и проч. Китайский материал переплетен с европейским довольно неуклюже, и вообще, к этому начинанию надо пока относиться с опаской, как к первому крику моды, но, несомненно, что можно на этом пути китайского театра ждать многих совершенств. Язык — чисто разговорный.

Для примера, как происходит у автора резкое столкновение нового Китая со старым, приведу отрывок из драмы «Совесть» (Лян спит).

Кун Дзипин. Одет в старое рваное платье. Близорук, носит очки. В правой руке держит «холодную» трубку с табаком ¹⁾, делает спазмами затяжку за затяжкой.

Кун («хлебнув» табаку, раскашлялся).—Смотри, пожалуйста, когда это кончат шуметь с этой нашей революцией, с этим нашим «обособлением»? Орут, шумят, а все выходит, что китайцы китайцев же и бьют. Почему бы студентам, из тех, что поспособнее, не подняться единодушно и не подражаться как следует с иностранцами? (Кашляет). Нынче они и Мудреца-то ²⁾ не хотят, что же это за ихний «мир» ³⁾ такой?

Чжоу (улыбается). — Нечего пить. Будем пить чай — и делу копей. Сказано у мудреца на этот счет хорошо: «Если беден, то занимайся лучше сам собой». Будем держаться этого девиза, и basta. Чего там смотреть, «мир» это или не «мир»? (Наливает чай).

Кун. — Так ты, значит, думаешь, что нам следует заниматься лишь своими же особами... Так... А я думаю, что скоро, вот, наступит потоп и придут дикие звери — вот что за «мир» будет! И нам, того гляди, придется растрепать свои волосы ⁴⁾ и застегнуться налево ⁵⁾... Если даже захотим подумать о себе, вряд ли сможем; вот что...

(Ван Чжаньао с женой, одетые по европейски, идут под руку ⁶⁾ по дорожке. Кун со своими собеседниками обмениваются мыслями, Ванны, муж и жена, проходят направо, поднимаются по лестнице и уходят).

Кун. — Гм! Ну смотрите, господа, это ли не мерзость? Ха-ха! Это ли не дичь?

Ван (появляется опять, бежит вниз по лестнице и гневно смотрит на Куна). — Кто это будет «дичь»? С тобой, что ли, говорят? Выходи-ка сюда, дрянь, я тебя попрошу меня еще поучить!

Кун (улыбается, не отвечая). — Ха-ха!

¹⁾ Род кальяна.

²⁾ Конфуция. Фамилия «Конфуция», как известно, тоже *Кун*.

³⁾ Мир, в смысле все человечество, противопоставляется замкнутому доселе и обособленному от мира Китаю.

⁴⁾ Как делаи былые герои, не желавшие пережить государственной разрухи и бежавшие в горы за голодной смертью.

⁵⁾ Как варвары.

⁶⁾ С точки зрения старомодного китайца всякое прикосновение к женщине на людях подобно началу сексуального акта и, потому, является верхом бесстыдства.

Ван. — Ну, ну, выкатывайся сюда, дурак! (Подходит к третьему столу, стучит кулаком, гневно бранится). Ну-с, которое из вас яйцо «черепаша»¹⁾ посмеет сюда подойти?

Г-жа Ван (пришла на шум). — В чем дело?

Ван (тыча в Кун Цзинна пальцем). — Вот эта дряль, черепашье яйцо, за нашей спиной говорит про нас разные там «мерзость», «дичь»... Ты что ж думаешь, что Лао-цзы, выйдя за ворота, ушей с собой не взял, что ли²⁾? Я, конечно, не верю во всех этих «Небесных Царей» и «Старых Философов», а вот ты, ни на что не положая образина, ты-то смеешь своего Лао-цзы ругать?

Г-жа Ван. — Эй ты, мастак, выходи-ка... Нечего спать свои собачьи глаза, смотри: мы оба супруга, в открытую сватанные, в законном браке состоящие, честь-честью: в обряде при узорных свечах... А не то, что ты там думаешь, ни весть что... и т. д.

А вот образец монолога, произносимого врачом христианином новой формации, обнаружившим с помощью жены («Ласточки») в газете клевету

Г-жа Лю («Ласточка»)... — Да, ведь, он говорит, что ты сын повара...

Лю (врач). — Что я сын повара? Только-то? Ах, Ласточка, скажи, мы с тобой в кого веруем, не в Спасителя ли Иисуса? А разве он не был сыном плотника, которого иудеи ругали и высмеивали? (Указывая на образ) А Господь наш разве не родился в самых грязных яслях? Неужли ж ты хочешь, чтобы я был славнее и знатнее Спасителя нашего? Моя слава вот в чем: я своими трудами обнаружил яд, вредящий человеку. Вот моя слава, с которой я увижу Бога, увижу Христа! В газете говорят, что я сын повара... А кто ж тебе сказал, что это не так? А поваренок твой не будет разве на груди плотничьего сына? Ласточка моя, самая моя любимая Ласточка! Я тебе вот что скажу: грех — это вот не иметь сил дать Ему (показывая на образ) радоваться: вот такие дела — это грех... А то, что я делаю не то, что нравится другим людям, и мои собственные мечты о славе — это пустяк!...

Как видно из приведенного, язык драм Чэня находится еще в наивной стадии неуклюжих подражаний. Впрочем, говорят³⁾, драмы эти имеют большой успех.

Тем не менее, дистанция от старого китайского театра, героического, с одной стороны, и грубо-жанрового — с другой, до этого нового огромна.

VII

Последней новинкой, полученной мною в последнее время, является изданный крупным шанхайским издательством «Commercial Press» (Шан у нин шу гуань) большой сборник статей о русской литературе и переводов с русского под заглавием «Исследования в области русской литературы» (Нгэгэ вэньсю яньцзю)⁴⁾, появившийся в сентябре прошлого года.

На обложке изображено нечто в роде андреевского креста, в центре которого черен, кости п... розы. Объяснений подобного сочетания в тексте нет.

Сборник состоит из двух частей. В первой находим статьи о России, принадлежащие авторам, выступающим во второй части уже в качестве переводчиков.

¹⁾ Черепаша, по мифическому сказанию, совокупляющаяся со змеем, приносит яйцо, которое ни черепаша, ни змея. Отсюда понятие незаконного сына, сына неизвестного отца — самое позорное для китайца образное сближение, действующее сильнее всех прочих (весьма, между прочим, разнообразных) ругательств.

²⁾ Лао-цзы, по имени Эр (Ухо), знаменитый китайский философ VI в. до Р. Хр. здесь выступает в роли образного выражения о старшем в отношении к младшему, (лао-цзы, — старик, сяо-цзы — молокосос).

³⁾ Передаю со слов приехавших из Пекина русских.

⁴⁾ Составляет приложение к № 12 «Литературного Ежемесячника» Сюшо юэбао).

Вот перечень этих статей:

1. Начальный период русской литературы (Чжэн Чжэньдо).
2. Взгляд на русскую литературу XIX века. — Статья Шаловэйфу (Соловьёва) в переводе Гэп Цзичжи.
3. Главные течения новой русской литературы. — Статья японца Нобори Сямо в переводе Чэп Вандао.
4. Четыре больших имени в русской литературе (Гоголь, Толстой, Тургенев, Достоевский). — Гэн Цзичжи.
5. Тридцать авторов новой русской литературы (Лермонтов, Грибоедов, Кольцов, Шевченко (sic!), Герцен, Некрасов, Гончаров, Гаршин, Надсон, Щедрин, Лесков, Успенский, Боборыкин, Андреев, Куприн, Бунин, Сергеев-Ценский, Чириков, Ремизов, Муйжель, Юшкевич, Гусев-Оренбургский, Зайцев, Ропшин, Мережковский, З. Гиппиус, Бальмонт, Брюсов, А. Блок, В. Иванов). Все это на протяжении 28 двухколонок страниц. — Статья Шэнь Инбина.
6. Петропавловский, русский бытописатель деревни. — Статья Гэн Цзичжи.
7. Альбов. — Его же.
8. Златовратский. — Цзин Гуань (псевдоним?)
9. Федор Сологуб. — Статья John Cournos, в переводе с англ. Чжоу Цзяньжэнь.
10. Арцыбашев. — Лу Сянь.
11. Русская критика и художественная литература. — Го Шаоюй.
12. Русская критическая литература. — Статья Кропоткина (Кэлу цаотэ-цин), в переводе Шэнь Цзэминь.
13. Взгляд Толстого на искусство. — Чжан Вэньтянь.
14. Русская былинная поэзия. — Шэнь Цзэминь.
15. Русские народные песни. — Статья С. Hagberg Wright. Перевод Шэнь Цзэминя.
16. Алтарь русской поэзии. — Статья японца Сиратори Сэйго в переводе Ся Мянцзунь.
17. Русская детская литература (басни и сказки). — Статья японца Иосикава Гэп, в переводе Ся Мянцзунь.
18. Как развивалась русская живопись. — Ху Гэньтянь.
19. Положение Толстого в русской литературе. — Статья Нобори Сямо (японца) в переводе Лин Гуан (Номер первой серии «Трудов о Толстом»).
20. Обломовщина. — Статья Кропоткина, в переводе Ся Мянцзунь.

Далее идут переводы с русского, в громадном большинстве через посредство английских переводов, что совершенно ясно, хотя и не обозначено, как в статьях только что перечисленных. Положим, и в последних оригинальность — вещь, но крайней мере, сомнительная. Эти переводы и пере-переводы располагаются следующим образом.

Петропавловский. Парашкипцы (?). Гоголь. Шинель. Левитов. Осенняя ночь в полях. Тургенев. Живые мощи. Горький. «Ночные речи в степи» (Макар Чудра). Чехов. На чужбине. Чехов. «Вечерняя беседа» (Зиночка). Горький. Орел. Андреев. Дело. Златовратский. Безумец. Альбов. Страшные слова. Тургенев. Письма. Достоевский. Вор. Арцыбашев. Врач. Сологуб. Белая мать. Бунин. Господин из Сан-Франциско. Короленко. «Лесные речи» (Лес шумит). Андреев. Смятые цветы. Щедрин. Потерянная совесть. Успенский. Смотрицы. Лесков. Дурачок. Куприн. Убийца. Пушкин. Модарт и Сальери.

Былина о Вольге и Микуле Селяниновиче. Былина о муромском крестьянском богатыре Илье и Святогоре-богатыре. Красные песни третьего интернационала. Рассказы Красной России (из американского журнала: «Живое поколение» (?) ¹). а) *Михельс* (?). *Кровельщик* (?). б) *Г. Санников*. Дело четвертых (?). в) *Аркадий Аверченко*. Спасительная звезда умирающего (?).

Далее идут приложения:

Литературная Россия и Китай. — Статья Чжоу Цзюэня.

Кропоткин о русской литературе. — Статья Шэнь Цзэмина.

Впечатления от России (?) Брандеса. — Его же статья.

Русские писатели (в кратких биографиях). — Статья Мин Синя (?).

Несколько слов об издании. К рассказам приложены краткие сведения об авторах. Имена авторов и героев повестей даны как в китайской, так и в английской транскрипциях. В первом случае они, благодаря хаотическому выбору иероглифов, порой с трудом отождествимы; во втором, — переданы не менее небрежно, плюс бесконечные опечатки, причудливо-противные. У некоторых переводчиков (напр., Гэн Цзичжи) в текст вставлен русский шрифт, и довольно грамотно. Зато, сам этот переводчик, как показывает его опыт с переводом «Трех смертей» Толстого ²), никуда не годен. Иногда в конце рассказов приложены объяснения непонятных собственных имен и выражений, но редко и без системы.

Тексту предшествуют воспроизведения картин и скульптур русских художников: *Левитана* «Последние лучи», *Репина* «Казак пишет султану письмо», *Ярошенко* «Везде жизнь», *Антокольского* «Связанный Христос», — а также портреты писателей: Достоевского, Тургенева, Чехова, Горького, Ремизова, Блока; музыкантов: Скрябина, Мусоргского; артистов: М. В. (!) Давыдова, Станиславского и Коммиссаржевской, — все с подписями (в английской и китайской транскрипциях) и краткими пояснениями.

На одной из страниц журнала-сборника помещено объявление о выходе в свет «Сборника русских драматических пьес», составленного «Обществом дружного изучения» (Гун сю шэ) и входящего в серию «Русской Литературы». Объявление говорит о том, что общество выбрало из большого количества всему миру известных и имеющих вечное значение русских драматических произведений десять нижеиследующих пьес, которые могут быть интересны не только специалистам, изучающим русскую литературу, но и тем, кто интересуется литературой всего света вообще.

«Ревизор». — Пер. Хэ Цимина.

«Гроза». — Пер. Гэн Цзичжи.

«Месяц в деревне». — Пер. его же.

«Власть тьмы». — Пер. его же.

¹) Предисловие к этим рассказам гласит следующее:

«За границей весьма мало известны русские рассказы и стихотворения, появившиеся после красной революции. Мы переводим ниже три рассказа из американского журнала «Живое поколение» (?). Все три появились в московских газетах прошлого года и, значит, их можно считать самыми новыми рассказами Красной России. В настоящее время (1921 г.) в России недостаток бумаги. По рассказам русских, прибывших из Сибири в Шанхай, в России выходит очень много печатных произведений, но ими не позволяется торговать. Кроме того, из-за недостатка бумаги тираж их невелик. Оттого за границей их не видно. Эти же русские говорят, что среди молодых писателей из народа особенно известен Demien Vudny (орфография китайца). Этого человека мы не знаем, и можем пока дать в переводе только эти три рассказа из американского журнала. А потом мы попросим вышеупомянутых русских написать нам по английски (!) о литературе Красной России, и тогда дополним то, что дается сейчас наспех».

²) См. статью «Русские писатели в кит. переводах» («Восток» № 1).

«**Плоды просвещения**». — Пер. Шэнь Ина.

«**Чайка**». — Пер. Чжэн Чжэньдо.

«**Иванов**». — Пер. Гэн Цзичжи.

«**Дядя Ваня**». — Пер. его же.

«**Впшиевый сад**». — Пер. его же.

«**Июнь**» (Шестой месяц?). — Пер. Чжэн Чжэньдо.

Всего в сборнике 495 двухколоночных страниц по семьсот слишком слов - иероглифов на каждой.

Не предвзято заранее вопроса о том, насколько уместно и целесообразно переводить с переводов, а не с оригинала, и насколько даже этот процесс протекал в сборнике правильно, можно искренне порадоваться ему, как явлению, не имеющему — увы — соответствующей реплики в русской литературе, для которой китайское, все еще приемлемо лишь в гомеопатических дозах.

В. Алексеев

